

Козлов «на хозяйстве»

В отсутствие отца дела государства вершил Козлов. Он, естественно, регулярно звонил Хрущеву, советовался по наиболее важным, по его разумению и выбору, вопросам. Отец ежедневно получал почту, подписывал решения и постановления, но московская кухня варилась без него и, в некоторой степени, помимо его.

В этом – противоречие не только авторитарного, но и демократического правления: сидя в столице, не узнаешь правды о жизни в стране, а долгое отсутствие в центре грозит потерей власти. Универсального рецепта на этот счет нет, каждый действует по собственному разумению: те, кому дороже власть, держатся за свое кресло в столице, кто печется о стране – всегда в разъездах.

К Козлову отец относился с полным доверием, более того, вскоре стал его полуофициально представлять иностранным гостям как своего преемника. Козлов и действовал соответственно, постепенно забирая членов Президиума в свои руки. Одни сопротивлялись, другие с готовностью подлаживались. Особенно переживал возвышение Козлова Микоян, один из двух первых заместителей отца по правительству. Он – патриарх революции, человек мудрый, сам претендовал на ведущую роль. А тут какой-то Козлов. Но Микоян на лидера не тянул. Отец ценил и уважал Микояна, относился к нему с искренней симпатией, считал его своим другом, но передоверить ему власть опасался. Он понимал, что Микоян, изворотливый переговорщик, сделает все, чтобы в трудный момент избежать принятия решения, сам себя заговорит. А когда спохватится, окажется поздно. Так он своими бесчисленными компромиссами, довел в 1956 году Венгрию до кровопролития.

Микоян держался по отношению к Козлову ровно, даже дружески, как и Козлов по отношению к Микояну, но все окружающие понимали, что это лишь видимость. Анастас Иванович ревновал. Когда они оставались наедине, пытался настроить отца против Козлова: он-де и сталинист, и подхалим, и на руку нечист. Отец понимал, что движет Микояном, и на его слова не реагировал. А когда тот стал особенно настойчив, даже бросил в сердцах: «Не делайте из Козлова козла отпущения».

Став вторым лицом в государстве, а в отсутствие отца исполняя обязанности первого, Козлов начал жесткой рукой «наводить порядок». Там, где отец сомневался, а Микоян уходил в сторону, Козлов шел напролом как танк. По сути дела, он тоже занимался реформаторством, но на свой манер. С приходом Козлова в ЦК запретительные, ужесточающие, наказывающие указы посыпались как горох из прорвавшегося мешка. Естественно, он не принимал их единолично, но инициировал, уговаривал отца, проталкивал голосование на Президиуме ЦК. Каждый из законопроектов, казалось, устанавливал чуть больше необходимого порядка в каком-то одном конкретном аспекте. Но, собравшись вместе, они выстраивали не в хрущевскую, а скорее сталинскую, репрессивную вертикаль власти. Вот только несколько примеров.

4 мая 1961 года, в годовщину победы Козлова над Кириченко и Игнатовым, выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями, за которые допускается применение смертной казни, в том числе за хищение государственного имущества в особо крупных размерах».

Освободившись от «сталинского» страха, когда даже за взятую с поля горсть колосков отправляли на многие годы в лагерь, советские граждане все активнее воровали друг у друга, а в первую очередь у государства. Ведь государственное – оно ничье, общее. Обкрадывали предприятия, магазины, колхозы, кооперативы. Рядовые тащили по мелочам, а начальники, не все, но многие, брали по-крупному. В 1960 году кражи и хищения составили 44,5 процента от общего количества правонарушений.

Пресечь нарастающий процесс, по мнению Козлова, могли только жесточайшие меры, такие, от которых от одной мысли о воровстве мороз по коже продирает. В народе новый Указ встретили с одобрением.

Еще один Указ, принятый в тот же день, 4 мая 1961 года, но уже Президиумом Верховного Совета РСФСР, «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» вменял в обязанность милиции, дружинникам, товарищеским и народным судам предупреждать, перевоспитывать и даже выселять на срок от двух до пяти лет тунеядцев и всех, кого милиция и общественность сочтут подлежащим перевоспитанию. Желаящих перевоспитывать, а главное, власть показать сразу нашлось без счета. Они буквально терроризировали людей, по той или иной причине не имевших постоянной работы или соответствующей справки. За один только 1961 год выселили на перевоспитание около двухсот тысяч человек, и не только алкоголиков и прочих отлынивающих от труда. В тунеядцы в то числе автоматически попадали художники, артисты, писатели и другие представители творческих профессий, если у них не имелось справки от «своего» союза. Именно под этот Указ попал Иосиф Бродский, поэт и будущий Нобелевский лауреат.

Как и опричнина времен Ивана Грозного, Указ наделал в стране немало бед.

24 мая 1961 года – новый Указ «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности в выполнении планов». Тут и пояснять нечего: «соврешь – в тюрьму загремишь».

7 июля 1961 года принимается нашумевший Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях». Его связывают с именами предшественников «новых русских», первых или почти первых советских валютчиков Петра Рокотова и Григория Файбишенко. Тоже знамение перемен. До того валюты не имели ни государство, ни его граждане. Туристы к нам не ездили и заморские деньги, соответственно, не меняли. Теперь же интуристские гостиницы заполнились, иностранцам с недавних пор позволили гулять по Москве и другим городам самостоятельно, без присматривающих. Они быстро сообразили, что менять доллары по смешному курсу 90 копеек за доллар, при том, что снующие вокруг них ловкие и симпатичные молодые люди предлагают за него не меньше четырех рублей, просто глупо.

По существовавшим тогда законам за нелегальный обмен валюты нарушитель наказывался лишением свободы. Однако валютчики в считанные месяцы наживали такие суммы, что несколько лет отсидки их не пугали. Выходившую из-под контроля ситуацию требовалось, пока еще не поздно, переломить, да так, чтобы неповадно было. Тут и подвернулись Петр Рокотов и Григорий Файбишенко, два недавно арестованных удачливых валютчика. Их, по действовавшим на тот день законам, осудили к 15 годам тюрьмы. 16 июня 1961 года приговор опубликовали в газетах. Граждане сочли приговор слишком мягким, и в ЦК посыпались письма. Отец о приговоре узнал утром 16 июня тоже из газет. Он тоже возмутился, но его возмущение весило поболее негодования рядовых читателей. На следующий день отец поднял этот вопрос на заседании Президиума ЦК.

Сохранилась стенограмма этого заседания. Отец говорил о недовольстве людей мягкими приговорами убийцам, грабителям, насильникам. В этом ряду, по его мнению, стоят и Рокотов с Файбишенко. Они столько лет «грабили рабочих и крестьян», а теперь отсидят, с учетом зачета за хорошее поведение, лет пять, выйдут на свободу и снова возьмутся за старое. В подтверждение своих слов отец приводил многочисленные письма с мест.

Присутствовавшие одобрили усиление ответственности за разбой и тяжкие экономические преступления, вплоть до расстрела.

Вскоре Президиум Верховного Совета принял соответствующие дополнения к законам. В связи с новым указом суд пересмотрел дело валютчиков, и Рокотова с Файбишенко расстреляли.

Как мне помнится, в той среде, где я вращался, возмездие сочли справедливым. У меня приговор тоже не вызвал отторжения, да и сейчас не вызывает.

В отличие от меня, по прошествии полувека находится достаточно людей, сочувствующих тем до поры удачливым и где-то симпатичным предпринимателям и осуждающих власть за «излишне» суровый приговор. Что ж, о симпатиях спорить бесполезно.

Однако точку в разговоре на эту тему, оказывается, ставить рано. Фарцовка и валюта в жизни и смерти Рокотова с Файбишенко оказались совсем не главным. Но главного мы тогда не знали.